Анни Виванти

Vae victis!

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ НА ЗАХВАЧЕННОЙ ВРАГАМИ ЗЕМЛЕ!

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
В41

Annie Vivanti
VAE VICTIS!
MARIE TARNOWSKA

Перевод с итальянского и английского Михаила Кононова
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Виванти А.

В41 Vae victis! : романы / Анни Виванти ; пер. с ит. и англ. М. Кононова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2027. — 544 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-34673-4

В сборник вошли два знаковых романа Анни Виванти, объединенные темой женской судьбы, изломанной историческими катаклизмами и социальными предрассудками начала XX века.

Роман «Vae victis!» («Горе побежденным!»), написанный в 1917 году, — одно из первых и самых смелых произведений мировой литературы, в котором открыто говорится об изнасиловании и последовавшей за ним травле. В небольшом бельгийском городке живут три женщины: молодая мать, ее десятилетняя дочь и восемнадцатилетняя свояченица. Их мирный быт рушится, когда в дом врываются немецкие солдаты… Бедняжкам удается бежать в Англию, но и там они сталкиваются с последствиями пережитого насилия и вынуждены принимать невозможные решения.

Роман «Мария Тарновская» (1915) был создан на основе реальной истории «роковой женщины» начала века — русской дворянки Марии Николаевны Тарновской, обвиненной в убийстве графа Комаровского и ставшей героиней скандального судебного процесса. Виванти, получившая возможность посещать Тарновскую в тюрьме, проводит глубокое психологическое исследование личности женщины, оказавшейся жертвой как собственных страстей, так и беспощадного общественного суда.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

© М. В. Кононов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-34673-4

Часть первая

I

Первой оказалась готова Шери. Накинув на плечи длинный полосатый халат, она наклонилась, чтобы взять на руки Амура, который лаял на ее розовые пятки и уже весь извертелся от нетерпения выйти на улицу.

— *Au revoir dans l'eau*[1], — сказала девушка, быстро помахав рукой маленькой Мирей и Фриде, немке-гувернантке.

— Ой, Фрида! *Vite, vite, dégrafez-moi!*[2] — закричала Мирей молодой женщине, нетерпеливо показывая ей пальчиком на множество свисающих с затылка ленточек.

— Говорите по-немецки, вы обе. Сегодня день немецкого, — предупредила Фрида, неторопливо раз-

[1] До встречи в воде (*фр.*).

[2] Скорей, скорей, расплети меня! (*фр.*)

вязывая узелки на ленточках, пока Мирей в нетерпении топала ножками.

Встав в юбке и корсете перед зеркалом, гувернантка сняла с головы то, что девочки называли «*Wurst*»[1]. Заметив в отражении, как к выходу пробежала Шери, Фрида строго прикрикнула:

— Шери! Вы же не пойдете по улице без чулок и шляпки!

— Ну, Фрида, какая ерунда! В Вестенде все так ходят купаться. — И Шери, подняв голую стройную ножку, помахала ею перед собой, отчего Амур снова залаял.

— Неважно, как тут ходят другие, а вы так не пойдете, — ответила Фрида Ротхенштайн, аккуратно положив свою коричневую блестящую *Wurst* на полочку под зеркалом.

— Тогда зачем мы вообще сюда приехали? — рассердилась Шери. Она бросила Амура на пол и слегка пнула его босой ногой. Песик обиделся и забился под кровать.

— Мы приехали сюда, — с тевтонской рассудительностью произнесла Фрида, — чтобы наслаждаться целебными свойствами моря, а не для того, чтобы выставлять напоказ свои голые ноги.

Мирей рассмеялась; услышав этот ободряющий звук, Амур вылез из-под кровати и снова залаял.

---

[1] Колбаса (*нем.*).

Пожав плечами, Шери пересекла комнату и подошла к креслу, на которое до того торопливо бросила свою одежду.

— Ладно, надену сандалии, и достаточно.

— Нет, недостаточно. Сандалии и чулки, — сказала Фрида. — И шляпку, — добавила она, бросив строгий взгляд на эту изящную склоненную головку с копной длинных волнистых рыжевато-золотистых волос.

Шери поспешно натянула черные чулки, с улыбкой поглядывая на Мирей, — как приятно видеть эти сияющие глазки за завесой распущенных волос!

Наконец готова: широкополая шляпа а-ля пастушка прижала непослушные пряди, Амур под мышкой, и с сочувственным кивком в направлении Мирей, дрожавшей от нетерпения, но вынужденной дожидаться Фриды, Шери сбежала вниз по узкой деревянной лестнице виллы Эстер («у мадам Гийом») и с радостным лицом бросилась к морю.

Коротенькая улочка Мулен, еще до половины не застроенная, начиналась у нового *ангара* для аэропланов и выходила к широкому заасфальтированному променаду вдоль моря. Навстречу попалось несколько купальщиков. Мужчины возвращались с пляжа в полосатых трико, с голыми загорелыми ногами, с полотенцами на шее, мокрые волосы прилипли к щекам. Они прошли мимо живописной фигурки в красном коротеньком пляжном халате, почти не взглянув; уже по

всему пляжу — на двадцать минут ходьбы на восток, до Остенде, и полчаса на запад — по песку порхали сотни таких же грациозных школьниц, а «дочери радости» из Брюсселя, Намюра и Спа добавляли к голубому легкомыслию летней картины свою более пикантную и провоцирующую нотку.

Проходя мимо магазина велосипедов, Шери помахала рукой Сирилю Вибону, который, преклонив колени перед своим мотоциклетом, мыл его сверкающий нос с нежностью кормилицы и с гордостью отца.

— Не забудьте два велосипеда к одиннадцати на пляж! — крикнула Шери фламандцу, и Сириль быстро поднес палец к темным волосам в знак того, что понял.

Шери почти бегом пересекла широкий променад и, прыгая через ступени, спустилась на бескрайние пески Вестенде, откуда на три стороны открывался горизонт, на бескрайние пески, теряющиеся вдали среди трагически пустынных дюн. Она отпустила Амура, который кубарем скатился вниз, встряхнулся, поспешно поскреб задними лапами песок и рысцой отправился разыскивать своих заклятых врагов, к которым питал неизменную глухую злобу: тощую и претенциозную борзую, наглого фокстерьера и отвратительнейшую черную, вечно дрожащую шавку, чьи склонности и происхождение не стоили того, чтобы их знать.

Пройдя с полкилометра по сухому песку, в котором ноги увязали на каждом шагу, Шери добралась до гладкой поверхности, после отлива оставшейся плотной

и блестящей. Там девушка быстро сняла халат, шляпку, сандалии и чулки и мелкими шажками на цыпочках побежала в воду. Она быстро и легко чуть подпрыгивала на первых волнах прибоя, пока вода не обволокла бедра и красная юбочка не раздулась шаром вокруг. Тогда она ринулась вперед, дрожа и крича от удовольствия, подняв над головой белые руки, а вода поднималась все выше, выше и, наконец, заключила ее в свои свежие и плотные объятия. Солнце бросило на синий атлас моря бриллиантовую сеть, и девушка вдруг ощутила дикую и живую радость от пребывания в этом мире.

Она сомкнула ступни и нырнула в сверкающую воду, потом вынырнула, мокрой рукой убрала с лица прилипшие пряди волос и поплыла вдаль, к лазурному горизонту — ей хотелось вот так плыть и плыть не переставая и исчезнуть в бесконечной синеве мира.

Какой-то аэроплан с сердитым жужжанием возвращался из Бланкенберге в Ньивпорт; Шери перевернулась и поплыла на спине, чтобы лучше его видеть, а потом помахала ему мокрой голой рукой.

На мгновение ей показалось, что аэроплан чуть нырнул и вот-вот упадет на нее, и она затаила дыхание, беспокоясь о безопасности пилота, но потом проводила его взглядом, пока он не исчез вдали. Тогда она перевернулась и поплыла дальше, оглядываясь на пляж, не появилась ли там Мирей.

Да, да! Вон там тощая фигура Фриды, а рядом еще более тощая фигурка Мирей, чьи тоненькие ножки пе-

режили всего десяток апрелей. Сквозь пространство донесся ее чистый детский голосок:

— Шери-и-и! Шери-и-и! Возвращайся! Возьми меня с собой!

И Шери со вздохом медленно поплыла к берегу.

Мирей побежала ей навстречу, с радостным визгом расплескивая воду, а Фрида осталась у самого берега, где глубина была всего несколько сантиметров. Там она выполнила ряд гигиенических процедур, смочив сначала лоб, потом грудь, потом снова лоб и, наконец, торжественно уселась в воду и просидела там, пока не сосчитала до ста.

Завершив это свое купание и покричав на Шери и Мирей, которые и не думали ее слушать, немка-гувернантка вернулась домой переодеться.

Через полчаса она снова появилась на пляже, должным образом одетая в свой *Reformkleid*[1], с «колбасой» на собранных на макушке обсохших волосах. Повращав глазами в поисках двух девчушек, она обнаружила их растянувшимися на песке вверх животом, с закрытыми глазами под палящим солнцем. Они притворились мертвыми; и в самом деле, такие маленькие и неподвижные на этом необозримом песке, они казались двумя бездыханными ничтожными крошками человечества, которых море выбросило на берег. Не успела Фрида к ним подойти, как мимо молнией промчался Сириль, мастер-

[1] «Платье реформ», свободного покроя (*нем.*).

велосипедист или человек-обезьяна, как его прозвали девчонки. Он во всю мочь несся к двум распростертым на песке фигуркам, крутя педали одного велосипеда и ведя рядом другой. Услышав его приближение, они вскочили на ноги, и прежде, чем приблизилась Фрида, Мирей уже вскочила на старый ржавый велик, а Шери — стройная фигурка в алом купальнике с развевающимися на ветру волосами и голыми белыми руками и ногами — уже укатила далеко по гладкому плотному песку.

— Нельзя! — пропыхтела Фрида, бросившись к Мирей, балансирующей на своей ржавой развалюхе, пока человек-обезьяна семенил позади, поддерживая седло. — Я не разрешаю ездить на велосипеде в купальном костюме…

— Ой, Фрида, не кричи, а то я упаду! — крикнула Мирей, и в самом деле после ужасных виляний велосипед быстро описал полукруг и заехал в море.

Мирей разозлилась на Фриду, и на велик, и на человека-обезьяну, который, сверкая белыми зубами на загорелом лице, со смехом водрузил ее обратно на седло.

Фрида скоро устала бегать за ними и присела у перевернутой лодки почитать «*Der Trompeter von Säkkingen*»[1].

Зекинген! Фридины глаза скользили по аккуратно отпечатанным страницам и задержались на гравюре

[1] «Трубач из Зекингена», поэма Йозефа Виктора фон Шеффеля.

с колокольней у моста. Ее душа вернулась в далекий городок на Рейне. Поскольку Фрида, как и знаменитый трубач Шеффеля, была из Зекингена, ее неуклюжие ноги в крепких квадратных немецких ботинках уносили ее в другую эпоху ее жизни, на этот знаменитый серый мост.

Когда-то, опершись локтями на подоконник, она смотрела на эти окошки с цветами в горшках, направляя свои детские мечты по водам Рейна. Утром она ходила в школу мимо маленького приземистого памятника Виктору фон Шеффелю, а вечером возвращалась, глядя на закрытые окна белого дома у моста, где когда-то жил поэт. Зекинген — со своими белыми вымытыми улочками, своим бело-голубым *Kaffee-Halle*[1], своими булочными, благоухающими свежими *Kuchen* и *Schnecken*...[2] Фрида оторвала глаза от книги и бросила злобный взгляд на пляшущие воды Северного моря, на ровный жизнерадостный бельгийский пляж, на далекие фигурки Шери и Мирей, на человека-обезьяну и, наконец, на виляющего хвостом Амура и его товарищей по безобразиям. Она ненавидела их всех. Да, ненавидела. Все эгоисты, вульгарные, легкомысленные, без капли поэзии в душе. В этой стране нет религиозного чувства, нет понятия о порядке, и кухня здесь ужасная… Фрида с горечью покачала головой.

---

[1] Кофейный зал (*нем.*).

[2] Пирожные и пирожки (*нем.*).

«*Das Land das meine Sprache spricht...*»[1] — пробормотала она в приливе ностальгии и сентиментальности.

И, снова вернувшись к своей книге, стала читать размышления Хиддигайгая, кота-философа, насчет весны и любви:

Warum küssen sich die Menschen?
Warum meistens nur die Jungen?
Warum diese meist im Frühjahr?..[2]

Вечером Мирей, услышав свист почтальона, пошла открывать. Он принес два письма, и девочка, спрятав одно за спиной, вернулась в комнату, где Фрида и Шери были чем-то заняты, и громко и невыносимо медленно прочитала адрес:

— Мадемуазель Шери — Бранде — вилла — Эстер…

— Дай сюда, дай сюда! — нетерпеливо воскликнула Шери, протянув руку.

— Это от Люлю, — сказала Мирей, протягивая письмо, а другое по-прежнему пряча за спиной.

— *Люлю!* Разве можно так называть свою мать? — проворчала Фрида.

— А если ей нравится! — рассмеялась Мирей. — Да и Шери зовет ее так.

---

[1] Страна, где говорят на моем языке (*нем.*).

[2] Почему люди целуются? Почему в основном только молодые? Почему чаще всего это происходит весной? (*нем.*)

— Шери ее золовка, а не дочь, — изрекла Фрида и только теперь заметила второе письмо в руке Мирей. — А это кому?

— *Hochwolgeborenes Fräulein Frida Rothenstein*[1], — объявила Мирей, но Фрида уже вскочила на ноги и схватила письмо.

— Ох, как невежливо, — заметила Мирей. — И кто это тебе пишет? На нашей бумаге, но почерк не Люлю и не папин! Кто это тебе пишет такие глупости с *hochwolgeborenes* на конверте?

Ответа не последовало. Фрида и Шери внимательно читали свои письма, а Мирей продолжила свой монолог:

— Могу поспорить, что это Фриц. Папин лакей! Представьте! *Hochwolgeborenes* госпожа получает письма от лакея!

Фрида не удостоила ее ответом, она не отрывала глаз от листка в руке, хотя — Мирей видела — там была всего одна строчка, четыре или пять слов, не больше. Но Фрида сидела неподвижно, замерев, как будто короткое послание превратило ее в каменную статую.

Но уже и Шери, прочтя свое письмо, переменилась в лице.

— Фрида! Мирей!.. Знаете что? Нам нужно завтра же вернуться домой.

— Домой? — воскликнула Мирей. — Что ты говоришь? Папа сказал, что мы пробудем здесь два месяца, а не прошло и четырех дней.

---

[1] Почтеннейшей фройляйн Фриде Ротхенштайн (*нем.*).

— Знаю. Но твоя мама пишет, что нужно скорее возвращаться домой. Ты слышала, Фрида?

Фрида не ответила и не подняла глаз.

— Но почему? Почему? — повторяла Мирей вся в слезах. — Разве Люлю не знает, что мы решили отпраздновать здесь твой день рождения?.. И что Люсиль и Крикри специально сюда приедут?

— Знает, знает, — ответила Шери, обратив свой нежный и растерянный взгляд на озабоченное личико Мирей и бесстрастное лицо Фриды. — Но она пишет… Пишет, что вот-вот начнется война.

— Война? Ну так что же? Нам-то какое дело до войны? — обиженно воскликнула Мирей, надув губки. — Ой, какая досада, какая досада! А я как раз научилась хорошо плавать — лишь одной ногой касаясь дна!

II

На следующий день взошло горячее свирепое солнце. Было тридцатое июля. К десяти часам Фрида упаковала вещи.

Амур утешался косточкой в походной корзинке, куда его поместили отчасти лаской, отчасти силой, и скрипучая крышка наконец закрылась над ним.

Потом пришлось ждать коляску, заказанную еще вечером по телефону в Остенде.

Но коляски все не было.

К одиннадцати Шери побежала на телефонную станцию и оттуда строго поговорила с транспортной конторой Булан в Остенде.

— Коляски не будет, — ответил грубый голос.

— Не будет?!

— Не будет, мадам, — и приглушенно добавил: — Реквизирована.

— Что вы говорите? Тогда пришлите другую, — сказала Шери, но на том конце провода уже дали отбой.

Подавленная и растерянная Шери вернулась на виллу Эстер, где на баулах в передней мадам Гийом сидели Фрида с мрачным видом и хныкающая Мирей.

— Коляски нет, — объявила Шери.

— Коляски нет? — воскликнула Фрида.

— Почему нет? — спросила Мирей.

— Ну… не знаю. С ней что-то случилось, — неуверенно ответила Шери. — Я точно не поняла. Она резистирована… или инквизирована, что-то такое.

К полудню добрая мадам Гийом нашла носильщика, который погрузил багаж на ручную тележку и отвез на остановку трамвая в Вестенде. Трамвай довез путниц, их багаж и Амура в корзинке до Остенде, где другой носильщик с другой ручной тележкой забрал багаж и корзинку и отвез на вокзал.

Они вскоре заметили, что Остенде выглядит как-то странно, не так, как раньше. Улицы были заполнены народом, но это была не обычная толпа вялых дам полусвета и праздных жуиров — нет, улицы запол-

няли солдаты, пешие и верховые, автомобили и мотоциклеты, повозки и фургоны, они занимали всю дорогу, а за ними следовали крестьяне с длинной вереницей лошадей и мулов.

По Рю Альбер скорым маршем двигался отряд ополченцев в длинных шинелях и выглядевших нелепо обывательских шляпах котелках с кожаным ремешком под подбородком.

На углу авеню Леопольд собрались официальные лица, прибывшие в Остенде несколько дней назад на международные соревнования по теннису, они возбужденно что-то обсуждали между собой.

— Что с ними со всеми? — спрашивала Мирей, когда они пересекали площадь Святого Жозефа и мост, спеша за носильщиком с багажом, который уже скрылся в заполненном народом вокзале.

Словно в ответ на ее вопрос, мимо пробежали двое мальчишек-газетчиков, оглушительно крича:

— *Supplément... supplément de L'Indépendance... Mobilisation générale...*[1]

— Фрида!.. В самом деле будет война? — в тревоге воскликнула Шери, глядя на мрачный профиль гувернантки.

— Вероятно, — ответила та, — между Россией и Германией.

---

[1] Экстренный выпуск... Экстренный выпуск «Индепенданс»... Всеобщая мобилизация... (*фр.*)

— Ах, это далеко от нас, — рассмеялась молодая девушка, пожав плечами, и бросилась вперед спасать драгоценную корзинку, болтающуюся в грубых руках носильщика.

— Слышишь, как скулит Амур? — шепнула Мирей, когда, сдавленные толпой, они ждали своей очереди у окошка билетной кассы.

— Плохо! Его не должно быть слышно, — предупредила Шери. — Официально считается, что там наш полдник.

Тогда Мирей стала стучать кулачком по скрипучей крышке, приговаривая:

— *Couche-toi, tais-toi, villain scélérat!*[1]

Лишь тогда «официальный полдник» затих.

Поездка оказалась неописуемой. Поезд был забит — не продохнуть, казалось, что люди со всего мира направились в Брюссель, каждые пять минут поезд останавливался, чтобы пропустить другие, набитые еще теснее, которые с шумом молнией проносились в столицу.

— Никогда не видела столько солдат, — сказала Мирей. — Не думала, что в мире их так много!

Фрида Ротхенштайн с презрительной улыбочкой в уголках губ посмотрела свысока:

— В моей стране их больше!

— Вот как? В Германии? Но наверняка они не такие красивые! — воскликнула Мирей.

---

[1] Ляг и заткнись, мерзкий негодяй! (*фр.*)

Она высунулась из окошка и вместе с другими стала махать платочком уланам с торчащими вверх пиками и развевающимися плюмажами; их целый эскадрон галопом скакал по пыльной дороге вдоль рельсов.

Фрида едва удостоила их взглядом.

— Видели бы вы *наших* уланов, — сказала она. — Впрочем, бог даст, скоро увидите!

Но девочки не слушали.

Наконец поезд прибыл в Брюссель. Дорога из Остенде заняла пять часов вместо двух, и еще час пришлось сидеть в поезде, остановившемся у брюссельского вокзала.

— Да, таким темпом мы никогда не доберемся до Льежа, а до Бомаля и подавно, — удрученно проговорила Шери, глядя, как мимо один за другим проносятся поезда с солдатами, направляясь на восток.

Теперь уже казалось, что люди со всего мира спешат из Брюсселя на Восточный фронт.

Но все когда-нибудь кончается, и настал момент, когда их поезд тронулся и, пыхтя, поехал в направлении Левена и Тирлемона.

Когда он прибыл в Льеж, уже почти совсем стемнело, а когда покинул вокзал Гийемен, мягкая летняя ночь окутала всю долину своим теплым шелком.

Маленькая Мирей уснула, уткнувшись худеньким личиком со следами сажи в согнутый локоть Фриды. Шери тоже задремала в своем углу, ей снилось синее море в Вестенде, но глаза Фриды продолжали смотреть

в темноту, пока поезд с грохотом проезжал туннели и мосты, следуя вдоль изгибов черной сверкающей реки Урт.

Там, где Урт встречается со своей меньшей сестрой Эной[1], поезд замедлил ход, содрогнулся, издал протяжный свист и остановился.

— Бомаль, — объявил кондуктор.

— Приехали. Эй, Мирей, просыпайся! — крикнула Шери, выглянув в окошко.

Обернувшись, она напялила на взъерошенную заспанную головку Мирей широкую розовую шляпу, пока Фрида торопливо собирала книги, теннисные ракетки и зонтики.

— Вон он! Вон он! — Выйдя из вагона, Шери помахала рукой высокому мужчине, который беспокойно осматривал платформу. — Клод! Клод! Мы здесь!

Клод Бранде, красивый мужчина на пятнадцать лет старше своей сестры Шери, подбежал и с облегчением открыл окошко.

— Ах, слава богу, вы здесь! — сказал он, взяв Мирей на руки, как маленькую, и посадил себе на плечи. — Ну как? Вы в порядке? Все здесь? Пойдемте! — Он двинулся по перрону так быстро, что Шери и Фрида еле поспевали за ним.

---

[1] В России принято называть Уртом реку после слияния Восточного Урта и Западного Урта, но по-французски и по-итальянски Западный Урт называют просто Уртом (l'Ourthe), а его правый приток — Эной (l'Aisne). Не путать с Эной во Франции.

— Да, мадемуазель, — обернулся он к Фриде, — если у вас есть багажный чек, отдайте Фрицу.

— Да, месье доктор, — ответила та, остановившись и роясь в сумке, а потом осмотрелась в поисках Фрица, которого не сразу заметила.

Фриц Голландер («Голландер по имени и голландец по национальности», как он обычно представлялся при каждом новом знакомстве) внезапно вышел из тени и встал перед ней. Он взял квитанцию, не ответив на ее робкое приветствие и словно не замечая ее вопрошающего взгляда, а потом, не сказав ни слова, повернулся на каблуках, и его массивная фигура тут же скрылась в багажном отделении.

Горстка вышедших из вагонов пассажиров уже покинула вокзал, и поезд, издав последний свисток, пополз в темноту, когда Мирей вдруг оторвала голову от отцовского плеча и закричала:

— Амур! Мы забыли Амура!

И правда: Амур, одеревеневший от неподвижности и недовольный в своей корзинке для еды, продолжил путешествие в зеленое сердце Арденн.

На мгновение все замерли в растерянности, потом начали пенять друг другу.

— Что ж, тем хуже для него, — сказала Шери; она устала и проголодалась. — Сам виноват: мог бы тявкнуть. Он прекрасно знал, что надо выходить.

— Но мы же ему сами сказали, — в негодовании рыдала Мирей, — чтобы прикинулся едой, пока едем!

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АННИ ВИВАНТИ

VAE VICTIS!

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Ирина Львова, Антонина Филимонова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.10.2026.
Формат издания 76 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,84. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-GLD-44112-01-R